

Озолотился; вѣтерок
 Сырые шевельнулъ листы;
 Дохнули сонные цвѣты,
 И, какъ они, навстрѣчу дню
 Я подыжалъ голову мою...
 Я осмотрѣлся; не таю:
 Мнѣ стало странно; на краю
 Грозилъ бездны я лежалъ,
 Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валь;
 Туда вели ступени скаль:
 Но лишь злой духъ по нимъ шагаль,
 Когда, низверженный съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ“.

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ деревъ
 Прозрачной зеленю листовъ;
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой
 Къ нимъ птицъ леталъ дугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ;
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался въ
 Въ торжественный хваленъ часть
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда—
 Но я бѣ желалъ ихъ рассказать,
 Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
 Въ то утро былъ небесный сводъ;
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевою!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока позднечный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ“.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
 Держась за гибкіе кусты,
 Съ плиты на плиту, я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ—за нимъ бразда
 Дымилась, прахъ вился столбомъ;
 Гудя и прыгая, потомъ
 Онъ поглощаемъ былъ волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной—
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!»

Лишь только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
 Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
 И жадно я припалъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
 Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
 Невольнымъ трепетомъ объять,
 Я поднялъ боязливый взглядъ
 Лишь одно вслушиваться сталъ:
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузинки голосъ молодой,
 Такъ безыскусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звуки дружескихъ именъ
 Произносить былъ приученъ.
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ залегла,
 И мнѣ, лишь сумракъ настанетъ,
 Незримый духъ ее поетъ“.

XIII.

«Держа кувшинъ надъ головою,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила къ берегу. Порой
 Она скользила межъ камней;
 Сжѣясь невольности своей,
 И бѣденъ былъ ея нарядъ;
 И шла она легко, назадъ
 Изгибы длинныя чадры
 Откинувъ. Лѣтніе жары
 Покрыли тѣнью золотой
 Лицо и грудь ея; и зной
 Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
 И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
 Такъ полонъ тайнамъ любви,
 Что думы пылки мои
 Смуглились. Помню только
 Кувшина звонъ—когда струя
 Вливалась медленно въ него—
 И шорохъ... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила отъ сердца кровь,
 Она была ужъ далеко;
 И шла хоть тихо, но легко,
 Стройна подъ ношею своей.
 Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымомъ струился голубой.
 Я вижу, будто бы теперь,
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилась опять...
 Тебѣ, я знаю, не понятъ
 Мою тоску, мою печаль;
 И если бы могъ—мнѣ было бѣ жалъ
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной цускай уму“.

XIV.

„Трудами ночи изнуренъ,